

На церемонии посвящения в ученики царила гнетущая тишина.

Восемь бессмертных владык восседали на почетных местах, а ниже, в два ряда, расположились шестнадцать старейшин. Не считая главы клана Мин Хуэя, который сидел с закрытыми глазами, погруженный в глубокие раздумья, все они были облачены в лазурные одежды, поверх которых накинули белые прозрачные накидки. Украшенные нефритовыми заколками волосы были перехвачены лунно-белыми лентами, ниспадавшими на плечи. Выглядели они как небожители, сошедшие с небес, однако лица их оставались холодными, словно лед.

Даже старейшина Цин Янь, обычно отличавшийся мягким нравом, сейчас убрал с лица привычную легкую улыбку. Его взгляд был пуст и безмятежен. Он посмотрел на истекающего кровью юношу, стоящего посреди арены, и произнес холодным голосом, который с помощью внутренней энергии донесся до каждого уголка:

— Ши Сюньлюй, осознаешь ли ты свою вину?

На теле Ши Сюньлюя не осталось живого места. Десятисантиметровые раны, тянувшиеся от груди до самых бедер, были следами от кнута, разрывающего душу. Услышав вопрос, он лишь горько усмехнулся. Стиснув зубы, он воткнул стрелу в землю, чтобы опереться; кровь с его пальцев стекала по древку. Юноша с трудом поднялся на ноги. Его лицо было мертвенно-бледным, но в глазах читалась непокорная гордость.

— Я не совершал ошибок, так почему же должен признавать вину? — ответил он. — Все вы в клане Юйсянь не отличаете черное от белого, не видите правды. Вы не достойны того, чтобы я, Ши Сюньлюй, проходил у вас обряд посвящения!

Как только эти слова сорвались с его губ, присутствующие ученики побледнели. Они в ярости повскакивали со своих мест:

— Ты лжец! Ты подделал верительную грамоту, чтобы пробраться на церемонию! В нефритовой табличке, переданной лунными лисами, твоего имени нет. Разве это не попытка обманом проскользнуть к нам?

— Клан Юйсянь никогда не примет такого бесчестного человека, как ты!

Ши Сюньлюй прищурился и спокойно обвел взглядом кричащего ученика. Голос его прозвучал тихо, но отчетливо для каждого:

— Клянусь своей судьбой на пути бессмертия, я никогда не подделывал никаких грамот!

В зале воцарилась гробовая тишина. Заклинатели переглядывались между собой. Клятва заклинателя — это не пустые слова простолюдина: каждое из них несет в себе кармический след и строго контролируется небесным законом. Нарушившего клятву ждет кара небес.

В одно мгновение возмущенные ученики притихли. Никто не мог отличить правду от лжи. Если Ши Сюньлюй осмелился дать клятву, значит, его слова, скорее всего, истинны. Но неужели список в нефритовой табличке лис оказался фальшивым?

Даже Цин Янь не знал, как поступить. Поколебавшись, он сложил руки в приветственном жесте, обращаясь к главе Мин Хуэю:

— Учитель, что скажете?

Мин Хуэй, который до этого момента сидел с закрытыми глазами, не проронив ни звука, словно почувствовал что-то. Он медленно открыл глаза, и его взгляд стал мягким. Спустя мгновение он произнес глубоким голосом:

— Изгоните его с горы.

Сказав это, он снова умолк. Этот вердикт поставил точку в судьбе Ши Сюньлюя. Клан Юйсянь не принимает учеников с сомнительной репутацией.

Ши Сюньлюй поднял взгляд на Мин Хуэя и Цин Яня. На его лице не дрогнул ни один мускул, но в дерзких глазах сквозила насмешка. Он помедлил, собираясь что-то сказать, но решил, что это бессмысленно. Собрав остатки сил, он отряхнул пыль с одежды и, преодолевая боль, выпрямился, словно сосна, и под прицелом сотен глаз направился к выходу.

Подозрительные, презрительные и сочувствующие взгляды устремились ему в спину, но он не обращал на них никакого внимания. Подумаешь, изгнали с горы — эка невидаль. В мире полно места, где можно развернуться. Если в трудную минуту на душе тоскливо, лучше купить кувшин вина и напиться где-нибудь на берегу озера под дождем.

Мин Хуэй задумчиво проводил его взглядом, после чего снова закрыл глаза, погружившись в медитацию.

— Погоди, — раздался голос.

Фэн Вэй, ученик клана Уцзи, который был в тесных отношениях с Юйсянь, тоже оказался здесь, хотя и не прошел испытание. Он злорадно посмотрел на Ши Сюньлюя, не забыв недавнего унижения, и громко привлек к себе внимание:

— Старейшина Цин Янь, по правилам нашего клана, те, кто прошел испытание нечестным путем, должны получить пятнадцать ударов кнутом, разрывающим душу, прежде чем их изгонят. Кажется, этому «другу» не хватает еще пяти ударов.

Ши Сюньлюй обернулся и бросил на него взгляд, подумав, что, когда спустится с горы, обязательно где-нибудь устроит засаду и изобьет этого мерзавца так, чтобы родная мать не

узнала.

Цин Янь взглянул на юношу. Одежда Ши Сюньлюя пропиталась кровью, кожа была содрана, а на красивом лице виднелись кровавые полосы — он выглядел совершенно истощенным. Однако закон есть закон. Если сегодня не наказать его до конца, в будущем другие бесчестные люди будут пытаться пробраться в клан обманными путями, что неизбежно приведет к упадку Юйсянь.

Приняв решение, Цин Янь очертил ладонью полукруг. На кончиках его пальцев вспыхнула слабая энергия, и в воздухе материализовался кнут с острыми шипами.

Ши Сюньлюй содрогнулся. Перед глазами вновь встала картина того, как кнут впивается в тело, вырывая куски плоти. Он застыл, не в силах пошевелиться, и беспомощно смотрел, как кнут рассекает воздух и с силой обрушивается на него. Шипы безжалостно вонзились в кожу, оставляя глубокие борозды. Звук полуметаллического кнута, рвущего плоть, смешался с ветром, а тело охватил нестерпимый жар.

После четырех ударов Ши Сюньлюй покатился по земле. Он сглотнул подступившую к горлу кровь, чувствуя, как внутри все сжимается от боли. Спустя мгновение, дрожа, он, к изумлению толпы, снова поднялся на ноги. Но устоять не смог: пошатался несколько секунд, мир поплыл перед глазами, и он без сил рухнул назад.

Этот последний удар...

Цин Янь посмотрел на бледного, покрытого холодным потом юношу и, почувствовав жалость, решил ударить чуть слабее.

Но едва он занес кнут, как откуда-то со свистом прилетел меч. С быстротой, которую почти невозможно было заметить, он звонко ударил по кнуту, отбрасывая его в сторону. Меч, окутанный мощной духовной энергией, столкнулся с оружием старейшины, вызвав мощный выброс силы. Цин Яня отбросило назад вместе с кнутом, который со звоном упал на землю. В возникшей суматохе его подхватил новый старейшина Зала правосудия, Цин Чжи.

На скуле Цин Яня от удара мечом образовалась рана, из которой медленно потекла кровь. Цин Чжи, увидев это, помрачнел. Он оттолкнулся от земли и приземлился в центре арены, окинув всех ледяным взглядом:

— Кто здесь? Почему не выйдешь открыто?

Юнь Тин чувствовал себя крайне несправедливо обиженным. Юбка, которую ему подарила Му Янь, была слишком длинной и мешала двигаться, что сильно замедлило его действия. Ему пришлось сначала отправить свой именной меч, чтобы спасти Ши Сюньлюя, а самому остаться в тени, чтобы привести в порядок наряд. Лишь через некоторое время он, приподняв подол, медленно вышел из укрытия.

Цин Чжи был сиротой, которого девятью годами назад нашел Яогуан, и считался выдающимся талантом среди молодых заклинателей. Увидев Юнь Тина в женском платье, он из вежливости сделал шаг назад и, бросив взгляд на лежащего без чувств Ши Сюньлюя, нахмурился:

— Ты его спутник жизни?

— А? — Юнь Тин, все еще поправлявший ленты на рукавах, удивленно вскинул голову.

Цин Чжи воспринял это как согласие и, не тратя слов, взмахнул кнутом:

— Раз так, прими этот удар вместо него.

Тело Юнь Тина среагировало быстрее мысли. Он ловко уклонился, описав в воздухе изящную дугу, и на глазах у ошеломленного Цин Чжи исчез с места. Мгновение спустя он возник за спиной старейшины. Цин Чжи быстро среагировал и ударил в ответ, но Юнь Тин снова увернулся, показав гибкую талию, а затем с разворота нанес удар ногой, отправив противника за пределы арены. Взрыв в воздух, он легко щелкнул Цин Чжи по лбу:

— Ты все еще не ровня мне.

Люди не успели даже заметить, как он атаковал, но вскоре увидели, как Цин Чжи, словно оторвавшийся воздушный змей, вертикально врезался в помост. Поднялось облако пыли, заставившее всех закашляться.

— Какая... какая мощь... — по залу пронесся гул.

Фэн Вэй прикрыл лицо рукой, чтобы защититься от мощной волны духовной энергии, его глаза расширились от ужаса. Цин Чжи был одним из лучших среди молодых, его уровень достиг стадии Зарождения Души. Кто же этот человек, способный победить его одним ударом?

Юнь Тин не обращал внимания на испуганные и удивленные взгляды. Наслаждаясь приливом сил, он плавно опустился на землю, словно небожитель. Приземлившись, он семенил к Ши Сюньлюю и неуклюже, но очень бережно помог ему подняться.

Ши Сюньлюй пришел в себя от шума. Открыв глаза, он увидел девушку с белой вуалью на лице, которая поддерживала его. У нее были невероятно красивые, блестящие глаза, изогнутые в улыбке. Она прошептала ему на ухо:

— Я пришла тебя спасти!

В ее голосе слышалась нотка гордости. Ши Сюньлюю она показалась похожей на маленького котенка с черными глазами, который трется о ногу и просит ласки. Ши Сюньлюй все еще

чувствовал, как перед глазами плывет от боли, но внутри него зародилось подозрение: где я мог встретить такую красавицу? Неужели это еще один любовный интерес главного героя из книги?

Подумав об этом, он мысленно похвалил автора, затем сделал вид, что сплевывает кровь, и слабо сжал руку Юнь Тина. Его голос был тихим, как дым:

— Спаси... спаси меня...

Юнь Тин, поняв, что это он натворил дел, отдав не ту грамоту, преисполнился вины. Он бережно, как величайшую драгоценность, прислонил Ши Сюньлюя к колонне, а затем взмахнул рукой, призывая духовный меч. Направив острие на старейшин, он прищурился и произнес с серьезным выражением лица:

— Я не позволю вам обижать его. Если хотите драться, нападайте все вместе.

Сто лет не бил младшего брата, руки чешутся.

<http://bllate.org/book/19526/1914577>